

УДК 390 (571.6) "1918–1922"

Фетисова Л.Е.

Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке

В современном российском социуме наблюдается возрастание интереса к прошлому, который реализуется посредством исторической памяти – своеобразной формы коллективной памяти, обладающей способностью "сохранять представления о прошлом, актуализируя их в настоящем и будущем", т.е. "это способ сохранения и трансляции прошлого в современность". Одним из носителей исторической памяти является устное творчество, поскольку оно осуществляет особую, "художественно-образную интерпретацию исторических событий, является источником информации о "бытийственных" переживаниях событий и т.д." [4, с. 90]. Принимая во внимание специфику художественного мышления, использовать фольклорное наследие (включая жанр предания) в качестве абсолютно достоверного исторического источника следует с большой осторожностью. По мнению учёных, для фольклорного сознания принцип достоверности и достоверность сообщаемого – "понятия не тождественные" [12, с. 9].

Данное положение справедливо не только для устного творчества, но и для воспоминаний, получивших письменную фиксацию. Более того, современные исследователи отмечают в мемуаристике 1950-х – начала 1980-х гг. ряд характерных особенностей: "идеологические клише, самовозвеличивание и самооправдания, попытки свалить вину на недругов и т.д." [15, с. 17]. Фольклоризация реальных фактов и в наши дни сопровождается "искусством памяти", не лишая его, однако, исторической значимости. Именно художественное осмысление прошлого, даже основанное на вымысле, позволяет воссоздать колорит конкретной эпохи, понять, какие эмоции испытывали свидетели и участники масштабных исторических событий.

Полевые исследования показали, что фольклор, посвящённый Гражданской войне и иностранной интервенции, имел повсеместное хождение на Дальнем Востоке. О наличии живой традиции свидетельствует большое число вариантов и версий, фиксированных на протяжении XX в. учёными и краеведами, в том числе автором данной статьи. Не исключено, что определённую роль сыграл "идеологический заказ", когда к каждому юбилею Октября проводилась кампания по записи воспоминаний участников и очевидцев событий.

Период 1918–1922 гг. является особым этапом в истории российского Дальнего Востока, получившим неоднозначную оценку в общественном сознании, что отмечено разными источниками. Естественно, в советском Приморье господствовала большевистская точка зрения на итоги Гражданской войны, поскольку обладание властью означало контроль над коллективной памятью. Вместе с тем надо иметь в виду, что белое движение, которое отнюдь не являлось однородным, скомпрометировало себя в глазах дальневосточников обращением за помощью к иностранным державам, прежде всего к Японии: местное население, в отличие от жителей западных областей, ещё помнило о Русско-японской войне 1904–1905 гг. Не удивительно, что присутствие подданных Страны восходящего солнца на российской земле встречало активное неприятие.

Воспоминания о японской интервенции передавались от старшего поколения младшему. Например, А.А. Подобрей (1953 г. рожд.), уроженец с. Лазаревка Яковлевского района Приморского края, неоднократно рассказывал,

© Фетисова Л.Е., 2019

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: lefet@yandex.ru.

что в его родном селе жил некий "дядя Коля", Н. Марков, который ещё будучи подростком, помогал партизанам. Японцы закопали его в землю живым. После их ухода односельчане откопали и откачали подростка, но с тех пор он слегка "повредился умом" (**Личный архив автора**).

А.С. Зырянов, 1898 г. рожд., вспоминал о налёте японцев нас. Полтавка в 1920 г.: *"В пятнадцать минут, вихрем налетев, окружили Полтавку, расставив посты в каждом выходе и переулке. С пулемётом. Есть конница, есть и пехота. Четверо ходили с обыском, прошли ряд домов от Кочевых до Фёдоровых, но к нам не зашли. У убежавшего Ивана Козырева отобрали винтовку, отрубив ему шашкой руку"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 136. Л. 33**). Японцы искали командиров партизанского отряда братьев Владимира и Петра Кочевых.

Однако имеются и свидетельства, в том числе фольклорные, что отношение к сложившейся ситуации было далеким от единодушия:

Во саду ли, в огороде	Эх, яблочко,
Картошка растёт.	Из Италии.
Убирайтесь, партизаны,	Надоело воевать,
Япошка идёт	Пролетарии
[2, с. 107].	[2, с. 106].

Эти тексты, записанные в 1920-х гг. на юге российского Дальнего Востока, подтверждают существование идеологического противостояния и на территории победившего социализма.

О том же свидетельствуют наши полевые материалы. В 1967, юбилейном году участники экспедиции встретились со старожилом с. Покровка Октябрьского района А.Д. Иващенко, 1892 г. рождения. По его словам, японцы расправлялись только с "непокорными" жителями края, лояльных же не трогали. Сам информант в Первую мировую войну был ранен под Варшавой, пришёл домой "по чистой", привёз винтовку. *"А тут приказ от Колчака – сдать оружие! Жители на всякий случай оружие припрятали"*. Андрей Давыдович свою винтовку закопал, а мешок с патронами ребяташки затащили на сеновал. Этого никто не знал, пока не явились японцы покупать сено и не обнаружили патроны. Хозяин (отец А.Д. Иващенко) на все вопросы отвечал, как научил его староста: *"Ничего не знаю. Я отвечаю только за то, что есть в моём доме. Если бы я знал, что там патроны, зачем бы я продавал сено?" Так и ушли японцы"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 48**). Однако другая жительница Покровки, М.Т. Степлевич, рассказала, что в 1920 г., накануне Пасхи, японцы убили её брата, который был поваром и считал, что человека такой мирной профессии не тронут, но в тот день было много жертв. Убитых японцы складывали в несколько рядов и ставили рядом охрану. Отец Марии Трофимовны поехал забрать тело сына, которого признал только по домотканой рубашке, так было изуродовано его лицо (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 47**).

Жителям региона были известны все группы белогвардейского сопротивления, что засвидетельствовано устной традицией. Представителей белого движения, как правило, называли по фамилиям руководителей: "кашпелевцы", "семёновцы", "бочкаревцы", "ширяевцы", "калмыковцы", "колчаковцы" (иногда – "колчаки": *"Убирайтесь, колчаки, / Едут партизаны"*). По воспоминаниям П.Т. Шевченко, 1895 г. рождения, жителя с. Струговка (Октябрьский район Приморского края), в его родном селе бывали и кашпелевцы, и семёновцы, и японцы. Б.А. Гнеченко, также старожил Струговки (1905 г. рождения), заметил, что *"кашпелевцы почти в каждом дому стояли"* (**Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 126–128**). Кашпелевцы упоминались чаще всего, возможно, из-за большой численности и дисциплинированности. Многие из тех, кто знал генерал-лейтенанта Владимира Оскаровича Кашпеля (1883–1920), говорили о его высоком профессионализме и личной отваге. Он погиб, выводя своих людей из окружения [5].

Житель приморского села Владимиро-Александровское П.П. Аксарин рассказывал фольклористу из Благовещенска П.Г. Крекотеню: "Как-то по улице нашей деревни шли кашпелевцы, я тогда был мальчишкой; и вот, чтобы их подразнить, я запел частушку:

В огороде лебеда,
Бегают фазаны,
Убирайтесь, капшелевцы,
Едут партизаны.

За эту частушку мне попало прикладом, и я её никогда не забуду" [8, с. 27].

Согласно официальной истории советского периода победа в борьбе с белогвардейцами была одержана благодаря таким военачальникам, как С.Г. Лазо, П.П. Постышев, С.М. Серышев и др., которые осуществляли руководство боевыми действиями партизанских отрядов и частей Народно-Революционной армии. Однако в памяти рядовых участников движения остались прежде всего имена непосредственных командиров отрядов. Среди тех, кто запомнился благодаря несомненному воинскому таланту, был А.Ф. Петров-Тетерин (1896–1938), применивший знаменитые "клепцы" в сражении при ст. Ин. Этот бой историки считают переломным в ходе военных действий. Когда 28 декабря 1921 г. группа противника пыталась окружить части НРА, положение спасла команда бронепоезда № 8. По приказу А.Ф. Петрова-Тетерина бронепоезд был разделён на две части; по коннице генерала Сахарова был открыт орудийный и пулемётный огонь. Белые были отброшены к ст. Ольгохта [3, с. 530]:

Хитрый наш Петров-Тетерин,
В этом точно будь уверен,
Окружит, возьмёт в клепцы,
Знай – пощады не ищи [14, с.193].

Столь же популярен был И.П. Шевчук (1892–1942), возглавлявший партизанские отряды в Приамурье и Приморье с 1919 г. [3, с. 322–323]: *"Страху вам нагнал уж столько / Партизан лихой Шевчук"* [14, с. 193]. Его воинский талант и высокие моральные качества признавали даже враги. Среди документов архива Еврейской Автономной области имеется письмо, отправленное Ивану Павловичу "белым" генералом Молчановым накануне штурма Волочаевки: *"Почему Вы, такой умный, мужественный и храбрый полководец, оказались на другой стороне... Мы боремся за одно общее дело, за русский народ, и этим хотим спасти своё государство, поэтому прошу прекратить между нашими армиями военные действия. Обещая Вам командование почётным корпусом"* (ГАЕАО. Ф. П–851. Оп. 1. Д. 128. Л. 335)¹. Как известно, Волочаевка была взята "красными". В отличие от А.Ф. Петрова-Тетерина, "лихой партизан" Шевчук не только уцелел в 1930-е гг., но и сделал успешную военную карьеру. Генерал-майор И.П. Шевчук, участник Великой Отечественной войны, погиб в бою в 1942 г. [16].

Достоверность многих рассказов не вызывает сомнений. Таковы, например, воспоминания бывшего партизана В.И. Бабенко, родившегося в с. Прилуки Хорольского района в 1900 г. Информант был достаточно откровенен. Так, он сообщил, что иногда приходилось добывать провиант силой. Как-то, например, воспользовались складами миллионера Скидельского, в другой раз увезли пять подвод рыбы с рыбалки "местного богача". Таким же образом добывали оружие: *"А винтовки – где отобьёшь, там и винтовка есть. И одевались так. Каждый же оборвался. Я тут близко. Как сюда попаду, дома переоденусь. А тут же люди со всего света были. В таможенный пост заберёмся (в Занадворовке был пост), мануфактуру заберём, отдаём шить. Как-то отдали шить в деревню рядом с Занадворовкой. А тут появились японцы, забрали всё это и ещё плётки всыпали тем, кто шил. А в тайгу идти они не решались. Мы уходили в тайгу. Один пулемёт станковый, один ручной. С этим оружием против японцев воевать не будешь"* (Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 71).

¹ ГАЕАО – Государственный архив Еврейской Автономной области

Со временем процесс фольклоризации коснулся как событий, так и действующих лиц. Реальные воспоминания о грабительских набегах могли "вписываться" в канву старых преданий о разбойниках. Таков, в частности, рассказ "Степанида и бандит", записанный от Е.И. Иваненко, 1915 г. рождения, жительницы с. Новотроицкое Дальнереченского района. *"Было это в 1924 г., когда по сопкам пробирались то хунхузы, то ширяевцы... Я была ещё молодая, детей не было, а старшая невестка, Степанида, была женщина здоровая, крупного роста, сильная, любила петь и плясать. Бывало, как начнёт плясать – чуть пол не провалит"*. В отсутствие мужчин в дом пришёл грабитель (*"мокрый от дождя, чёрный, грязный, с ружьём"*) и потребовал денег. Степанида сказала, что деньги в сундуке под рушниками, а когда бандит полез в сундук, она изо всех сил опустила на его шею окованную железом крышку. Пришедшие мужчины узнали в покойнике члена *"ширяевской разбитой банды"*: *"Это ширяевец, первый душегуб во всём его отряде. Ну что же! Собаке собачья смерть"* [14, с. 77–78]. По-видимому, речь идёт об остатках иманской сотни А.И. Ширяева.

С окончательной победой советской власти появились новые культовые фигуры, в числе которых следует назвать С.Г. Лазо. В связи с этим получили распространение "воспоминания" о том, как местные жители спасали большевика: *"Не помню, рассказывали, белые или японцы были. А Лазо – в деревне"*. Его переодели в женское платье и проводили за околицу, к речке, к мосткам, где стирали бельё: *"Он высокий такой, в юбке ему так это хорошо..."* [14, с. 77].

Трагическая гибель С.Г. Лазо, несомненно, способствовала увековечению образа:

В жаркой топке под Иманом
Большевик погиб в огне... [14, с. 172–173].

Принято считать, что в гибели С.Г. Лазо, А.Н. Луцкого, Вс.М. Сибирцева повинны японцы, однако в коллективной монографии 2003 г. читаем: *"От рук бочкарёвцев, как гласит народная молва [подчёркнуто мною – Л.Ф.], в мае 1920 г. в паровозной топке погибли С. Лазо, А. Луцкий и В. Сибирцев"* [3, с. 517]. Одного из пленников свидетели описывали как рослого, сильного человека, что соответствовало физическим данным С.Г. Лазо. Казалось бы, информация опирается на показания очевидцев, в частности, машиниста, ездившего с бочкарёвцами [13], но уже в наши дни появились сомнения в возможности такого использования паровозной топки. Тем не менее, отвлекаясь от технических деталей, можно утверждать, что устная традиция связывает гибель большевистских руководителей с деятельностью есаула В. Бочкарёва, одного из предводителей калмыковских казачьих отрядов, известного своей крайней жестокостью.

О самом Калмыкове шла дурная слава даже в белом движении. Рассказывали не только о его чрезвычайной жестокости, но и о том, что под видом борьбы с большевиками он занимался откровенным грабежом. Среди воспоминаний о набегах калмыковцев безусловного доверия заслуживает текст, присланный рабфакровкой М. Ходасевич профессору Дальневосточного университета А.П. Георгиевскому: *"В д. Бичевой был штаб партизан. В июне месяце 1919 г. нагрянула разведка отряда Калмыкова, которая поймала нескольких партизан и зверски расправилась. В конце июня нагрянул сам атаман Калмыков, который поступил ещё более жестоко. Он замучил несколько крестьян, совершенно не причастных к отряду, убил 5 китайцев, предварительно поиздевавшись над ними (им выкручивали руки, били плетями, отрезали уши и носы)"* [2, с. 88].

Неудивительно, что народные поэты также оставили память о подобных событиях:

Укажи мне в Приморье деревню,
Где бы зверь-Калмыков не бывал,
Где невинная кровь не лилася,
Где крестьянин от зла не стонал... [2, с. 89].

Такие "поэмы-однодневки" не стали достоянием общего фольклорного фонда, но в 1920-х гг. они ещё входили в локальный репертуар из близкого окружения автора, откуда и попали в архив А.П. Георгиевского.

Любопытно, как описывали Калмыкова современники. Майор Белл из Канады с удивлением узнал о деяниях атамана: *"Человечек ростом пять футов и два дюйма, с затянутой по-женски талией, маленькими и тонкими кистями рук... Его манеры были столь аристократичны, почти элегантны, что, вспоминая его впоследствии, казалось невозможным связать это внешне нежное создание с теми кровожадными эксцессами, которые он совершил..."*.

По словам А.К. Арсеньевой, Владимир Клавдиевич "люто возмущался Калмыковым: *"Слава богу, – говорил он, – что китайцы убили Калмыкова в 1920 году. Хвала им! Калмыков был маленький, плюгавенький, светлые тупые глазки; на коне хорошо сидел, казак"*. Однако потомственные казаки пренебрежительно называли атамана "сыном лавочника" (что, кстати, соответствовало действительности) [7].

Самая распространённая версия о гибели Калмыкова – что он был застрелен китайским солдатом. Вместе с тем, и эта информация имеет варианты, полученные из разных источников, многие из которых якобы опираются на свидетельства очевидцев. Все, однако, сходятся в том, что атаман был убит при попытке к бегству. По данным газеты North China Daily News ("Новости Северного Китая"), его везли в открытом фургоне с офицером и двумя солдатами под охраной отряда пехоты. Воспользовавшись тем, что он не был связан, Калмыков выхватил у офицера карабин, ранил его и бросился бежать, отстреливаясь на ходу. По одним сведениям, его убили солдаты (именно эта версия дошла до В.К. Арсеньева), по другим – Калмыкова застрелил офицер [11].

Атаман Г.М. Семёнов в глазах большевиков был "кровавым палачом", тогда как участники белого движения видели в нём спасителя России от "красной заразы". Среди документов Государственного архива Хабаровского края имеется текст под названием "Слава атаману Семёнову":

Мир немало удивился –
Нам с востока луч блеснул,
В Забайкалье объявился
То Семёнов есаул.
[6, с.199].

И на страх всем лиходеям
Рать казачью собирал,
А изменникам-злодеям
Он пощады не давал...

С именем атамана связано мистическое пророчество, исходившее от главы монгольской ламаистской церкви, который якобы сказал ещё в 1913 г., когда Г.М. Семёнов состоял в казачьей сотне, охранявшей русское посольство в Монголии: *"Ты, Гриша, не умрёшь обычной смертью. Тебя минует пуля, не коснётся сабля, стрела и копьё пролетят мимо. Ты сам позовёшь себе смерть"*. Атаман был захвачен при освобождении Северо-Восточного Китая в 1945 г. и приговорён к смертной казни в 1946 г. [1].

Устное творчество сторонников новой власти изучено достаточно хорошо, но творчество её противников на долгое время было выведено за пределы научного знания. Между тем, в художественно-типологическом плане, оно обнаруживает поразительное сходство с поэзией красных партизан, т.к. народная культура представляет собой общее достояние, независимо от политических пристрастий. Многие "белые" и "красные" песни исполнялись на один мотив, в их основе лежал общий художественный прототип. Гимн дальневосточных партизан "По долинам, по загорьям" и марш белой Дроздовской дивизии восходят к "Песне сибирских стрелков" времён Первой мировой войны. На мотив "Варшавянки" исполнялась боевая песня рабочих-ижевцев:

Сброшены цепи кровавого гнёта,
Дружно врага уничтожил народ... [10].

Анализ показывает, что идеологическая риторика обеих сторон была основана на таких понятиях, как интересы народа и необходимость борьбы за свободу, однако воспринимались они с полярных точек зрения.

Для создания новых песенных версий активно использовались художественные клише популярных романсов. В белой армии предпочтение отдавалось "Чайке" и "Белой акации", но и партизанские поэты нередко обращались к тем же источникам. В частности, текст, посвящённый гибели под Сретенском командира 7-го кавалерийского полка Ф.А. Погодаева (1893–1920), начинался строкой *"Вот вспыхнуло утро / Мы Сретенск заняли"*. Правда, не исключено, что прототипом этой песни послужил не сам романс, а вариант, созданный в годы Первой мировой войны, *"Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался"* – о гибели юного прапорщика, старавшегося отстоять полковое знамя [9].

Заметную пропагандистскую роль в партизанской среде играло творчество поэтов-политработников – К. Рослого, Г. Отрепьева, В. Кручины, П. Парфёнова (П. Алтайского), которым были хорошо известны эстетические предпочтения простых партизан. Особой известностью пользовались песни на слова уроженца Сучанской долины Константина Рослого, который брал за основу популярные в народе произведения, например, "Плещут холодные волны" о гибели "Варяга": *"Дуют холодные ветры, / С веток сметая листья, / Носится коршун над сопкой, / Крик его полон тоской..."* (Ср. с первоисточником: *"Плещут холодные волны, / Бьются о берег морской, / Носятся чайки над морем, / Крики их полны тоской"*). Песня бытовала в различных вариантах и записывалась фольклористами неоднократно. В частности, в Иманской долине имел хождение свой вариант, авторами которого называют партизанских командиров Дубова и Вильсона: *"Дуют холодные ветры, / Вьются над думой мирской, / Носится коршун над сопкой, / Крик его полный тоской"* [2, с. 93].

Варьировалось, как правило, место действия. Благодаря этому произведение приобретало локальную закреплённость, что придавало ему дополнительную достоверность. Так, событие, которому посвящена популярная баллада "Знаю, ворон, твой обычай", исполнители относят, по меньшей мере, к трём географическим объектам: *"На Сучане есть то место, / Где кипел кровавый бой"* [2, с. 91], а также *"На Имане есть то место..."* и *"Есть под Шкотовом там место..."* (**Личный архив автора**). Таким образом, не только устная проза, но и песенные тексты служат носителями исторической информации, каковой являются событийная канва, имена реальных действующих лиц, названия географических объектов.

Как видим, формирование исторической памяти – непрерывный процесс. В наши дни значительно расширились информационные возможности исследователей как профессионалов, так и любителей, однако, думается, время беспристрастных оценок ещё не пришло. Тем не менее, устная традиция по-прежнему остаётся реальным хранителем и транслятором коллективной памяти о важнейших событиях российской истории, в том числе о Гражданской войне и иностранной интервенции.

Литература

1. Атаман Семёнов. Воспоминания // Semenov Grigorii Ataman Semenov. *Vospominaniya* // [Электронный ресурс]. URL: http://www/Litmir_net_106689.Fb2 (дата обращения: 15.12.2018).
2. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке: фольклорно-диалектологический очерк. Вып. 4: Фольклор Приморья. Владивосток: Дальневост. гос. университет, 1929. 114 с.
3. История Дальнего Востока России. Т 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
4. Каминская Е.А. Контексты исторической памяти и традиционный фольклор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 2 (42). С. 90–97.
5. Капель, Владимир Оскарович // [Электронный ресурс]. URL: http://wiki2.red/Капель_Владимир_Оскар_Оскарович (дата обращения: 17.12.2018).
6. Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII – начало XX вв.). Благовещенск: Производственно-коммерческое изд-во "Зоря", 2008. 208 с.

7. Колёсников А. Атаман Калмыков: характеристика современников // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naslednik-dv.livejournal.com/23161/html> (дата обращения: 22.10.2018).
8. Крекотень П.Г. Песни дальневосточных партизан // Учёные записки Благовещенского гос. пед. и учит.института им. М.И. Калинина. Благовещенск, 1941. Т. 2. С. 25–62.
9. Прапорщик юный (Вот вспыхнуло утро) // [Электронный ресурс]. URL: <http://A-pesni.org/www1/praporjun.php> (дата обращения: 27.12.2018).
10. Русский Восток. Владивосток. Ноябрь 1993. № 16.
11. Савченко С.Н. Калмыков Иван Павлович: штрихи к портрету // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.net/preview/3015181/> (дата обращения: 15.12.2018).
12. Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: Автореф. дис. ... д-ра филологич. наук. Улан-Удэ, 2018. 61 с.
13. Трифонов-Репин Ю. Неадмиральский сквер, или кого помним, а кого запямятовали // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arsvest.ru/rubr/3/31929> (дата обращения: 17.12.2018).
14. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 288 с.
15. Хитрый В.Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. 26 с.
16. Шевчук, Иван Павлович // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.1914.info.php> (дата обращения: 27.12.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Ataman Semyonov. Vospominaniya // Semenov Grigorii_Ataman_Semenov. Vospominaniya // [Электронный ресурс]. URL: http://www/Litmir_net_106689.Fb2 (дата обращения: 15.12.2018).
2. Georgievskij A.P. Russkie na Dal'nem Vostoke: fol'klorno-dialektologicheskij ocherk. Вып. 4: Fol'klor Primor'ya. Vladivostok: Dal'nevost. gos. universitet, 1929. 114 с.
3. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. Т. 3. Кн. 1: Dal'nij Vostok Rossii v period revolyutsij 1917 goda i Grazhdanskoj vojny. Vladivostok: Dal'nauka, 2003. 632 с.
4. Kaminskaya E.A. Konteksty istoricheskoy pamyati i traditsionnyj fol'klor // Vestnik CHelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2015. № 2 (42). С. 90–97.
5. Kappel', Vladimir Oskarovich // [Электронный ресурс]. URL: http://wiki2.red/Kappel',_Vladimir_Oskarovich (дата обращения: 17.12.2018).
6. Kovalenko A.I. Kul'tura kazachestva vostochnykh okrain Rossii (XVII – nachalo XX vv.). Blagoveshhensk: Proizvodstvenno-kommercheskoe izd-vo "Zeya", 2008. 208 с.
7. Kolyosnikov A. Атаман Калмыков: характеристика современников // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naslednik-dv.livejournal.com/23161/html> (дата обращения: 22.10.2018).
8. Krekoten' P.G. Pesni dal'nevostochnykh partizan // Uchyonye zapiski Blagoveshhenskogo gos. ped. i učit.institutu im. M.I. Kalinina. Blagoveshhensk, 1941. Т. 2. С. 25–62.
9. Praporshhik yunyj (Vot vspykhnulo utro) // [Электронный ресурс]. URL: <http://A-pesni.org/www1/praporjun.php> (дата обращения: 27.12.2018).
10. Russkij Vostok. Vladivostok. Noyabr' 1993. № 16.
11. Savchenko S.N. Kalmykov Ivan Pavlovich: shtrikhi k portretu // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.net/preview/3015181/> (дата обращения: 15.12.2018).
12. Tikhonova E.L. Semantika i pragmatika fol'klornoj istoricheskoy prozy russkikh starozhilov Bajkal'skogo regiona: Avtoref. dis. ... d-ra filologich. nauk. Ulan-Udeh, 2018. 61 с.
13. Trifonov-Repin YU. Neadmiral'skij skver, ili kogo pamyatuem, a kogo zapamyatovali // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arsvest.ru/rubr/3/31929> (дата обращения: 17.12.2018).
14. Fol'klor Dal'nerech'ya, sobrannyj E.N. Systerovoj i E.A. Lyakhovoj. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1986. 288 с.
15. KHitryj V.G. Partizanskoje dvizhenie v gody Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1918–1920): sovremennyj vzglyad: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2015. 26 с.
16. Shevchuk, Ivan Pavlovich // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.1914.info.php> (дата обращения: 27.12.2018).

Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке.

Устное творчество, посвящённое Гражданской войне и иностранной интервенции, рассматривается как своеобразная форма народной исторической памяти. Исследование основано на опубликованных источниках, а также на экспедиционных материалах и наблюдениях автора. Приводятся примеры устных рассказов, песен, частушек, распространённых на юге российского Дальнего Востока. Подчёркивая субъективный характер подобных источников, автор напоминает, что они являются неотъемлемой частью отечественной истории и культуры, которую необходимо изучать и осмысливать.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, Гражданская война, иностранная интервенция, фольклор, историческая память*

Fetisova L.E. Folklore heritage as a keeper and broadcaster of the memory of the events of 1918–1922 in the Russian Far East.

Folklore heritage devoted to the Civil war and foreign interventions in the Russian Far East is considered as peculiar form of historical memory. The study is based on published sources and the author's expedition materials. The examples of oral narratives and songs are given. Emphasizing the subjective nature of such sources the author recalls they are an integral part of national history and culture, which we could study and comprehend.

Key words: *Russian Far East, Civil war, foreign intervention, folklore, historical memory*

Для цитирования: Фетисова Л.Е. Роль фольклорного наследия в сохранении и трансляции памяти о событиях 1917–1922 гг. на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2. С. 47–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/47-54

For citation: Fetisova L.E. Folklore heritage as a keeper and broadcaster of the memory of the events of 1918–1922 in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 2. P. 47–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-2/47-54

